

Там, где ЛОМАЮТСЯ КРЫЛЬЯ

Олеся Малышева

Олеся Малышева

Там, где ломаются крылья

<https://litres.ru/74041514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пятнадцатилетнюю Анну травят в школе за то, что она не такая, как все. Единственное, что спасает её — рисунки. Крылья, фантазийные существа, девушка, летящая над серым городом. Но однажды из-за случайного разговора с мальчиком обидчицы встречают Анну в парке. Асфальт, битое стекло, удар, плевков, вспышка телефона — всё, как обычно. Только на этот раз осколок впивается в висок, и на память останется шрам.

Истекая кровью, Анна бредёт домой через парк. Там она встречает незнакомого художника. Он смотрит на её разбитое лицо, на папку с рисунками и говорит: «Когда больно — рисуй. Не слушай никого. Рисуй». Эти слова меняют всё.

Олеся Малышева

Там, где ломаются крылья

Глава 1

1

Анна лежала на холодном асфальте за углом школы, и чей-то ботинок вдавливал её лицо в битое стекло. Острый осколок впился в висок — резкая боль обожгла кожу. Она не плакала. Не потому, что было не больно — просто за многие годы травли она научилась сдерживать слёзы при свидетелях.

— Будешь ещё липнуть к моему Артёму, швабра? — голос Лиды звучал сверху, почти лениво. — Я тебя предупреждала.

Анна попыталась прикрыть голову руками, но её тут же пнули в бок. Удар пришёлся по рёбрам, в горле запершило от кислого вкуса. Следом прилетел плевок, тёплый и липкий, почти на глаз. Она не шевелилась, надеясь, что они скоро устанут.

— Сними её, — скомандовала Лида.

Щёлкнул телефон. Женя, девчонка из параллельного класса, навела камеру. Вспышка ударила по лицу, выхватив из сумерек разбитую губу, грязь на щеке и тонкую струйку

крови, стекающую по виску.

— Для истории, — хихикнула она.

И они ушли. Шаги затихли за углом, оставив Анну одну. Она лежала неподвижно, боясь, что вернутся. Но не вернулись. Октябрьский ветер пробирал сквозь драповое пальто, которое мама купила на вырост — покупать новое каждый год не было денег.

Анна медленно села, стряхнула с лица осколки. Кровь текла по щеке, смешиваясь с грязью. Она ощупала рёбра: болело, но, кажется, ничего серьёзного. Губа распухла, на языке была кровь. Рядом, возле лужи, валялась её папка с рисунками — старая, картонная, с потёртыми углами. Она всегда носила её с собой.

Она подняла папку, прижала к груди, как спасательный круг. Потом встала. Голова кружилась, ноги подкашивались. Пальто промокло насквозь. Анна побрела домой, прихрамывая.

2

Пятью часами ранее.

Перемена. Анна стояла в школьном коридоре и рисовала «свои» крылья, облокотившись на подоконник, пока класс проветривался. Вдруг сзади что-то тяжёлое прилетело по голове.

— Ой, промахнулась, — сказала Катя без капли сожаления.

Сзади раздался смех. Катя с одноклассницами замахну-

лась учебником и с размаху опустила её на затылок. Голова дёрнулась вперёд, перед глазами поплыли круги.

Анна понимала: жаловаться бесполезно. В десятом классе все давно знают: если ты изгой, это твоя вина.

Зазвенел звонок. Девочки зашли в класс. Анна уже собиралась садиться за парту, но увидела на стуле плевков. Пока она стояла в замешательстве, учительница сказала:

— Комарова, ты опять возишься? Давай быстрее, только тебя ждём.

Девочки с задней парты ехидно захихикали. Анна быстро вытерла рукавом стул, села. Начался урок.

Но Анна не слушала учителя — обида душила её. И пока учитель рассказывал новую тему, в голове возник образ, который она носила в себе уже несколько лет. Девушка с крыльями. Крылья изодраны, перья летят вниз, но она не падает. Она стоит на скале и смотрит вдаль. Анна видела эту картину так чётко, будто она уже была нарисована на холсте — оставалось только перенести на бумагу.

Но сейчас она была в школе. А школа была врагом.

Анна вспомнила, как впервые взяла в руки карандаш. Ей было пять лет. Мама купила альбом и цветные карандаши — самые дешёвые, на три цвета. Анна нарисовала птицу. Получилось что-то нелепое, но она так гордилась собой, что повесила рисунок на стену. Отец тогда ещё жил с ними. Он посмотрел и сказал: «Ну, художница растёт». Эти слова запомнились навсегда. Потом отец ушёл, а рисование осталось.

В начальной школе её рисунки хвалили. Но в пятом классе всё изменилось. Одноклассники заметили, что она странная — тихая, рисует на уроках, не ходит в кино, не курит за школой. И началось: сначала подножки, потом обзывательства, потом откровенная травля. Анна перестала показывать рисунки. В школе она держала их при себе, никому не давая заглянуть, а дома прятала папку в дальний угол шкафа.

3

Обеденная перемена взорвалась шумом. Анна выскользнула в коридор, стараясь держаться у стенки. Она давно выработала маршрут: от кабинета литературы до столовой через запасную лестницу, где почти никто не ходит. Там она могла перекусить бутербродом и, хотя бы пять минут не бояться, что кто-то пнёт её под коленку или опрокинет поднос.

Но сегодня маршрут сломался. На полпути у окна стоял Артём из 11 «Б» — высокий блондин с голубыми глазами, с рюкзаком, расписанным граффити. Он тоже любил рисовать и ходил в художественную школу, в отличие от Анны, которая была самоучкой. Они познакомились случайно на школьной выставке рисунков — перекинулись парой слов и больше не общались.

— Привет, — Артём улыбнулся. — У тебя карандаш не найдётся? Мой сломался.

Она машинально протянула свой огрызок из кармана. Их пальцы на секунду соприкоснулись.

— Спасибо. У тебя прекрасные рисунки. Видел в про-

шлый раз. Круто.

Анна не знала, что ответить. Слова застряли в горле. Она кивнула и почти побежала прочь. И не заметила, что в конце коридора стояли Лида, Женя и ещё три девчонки. Лида сжала кулаки так, что побелели костяшки.

4

В три часа дня уроки кончились. Анна, как всегда, задержалась в классе. Дома её никто не ждал — мать работала допоздна. Больше у неё никого не было. Она сидела за партой, раскрыв папку, и перебирала рисунки. Крылья, крылья, крылья. Белые, чёрные, золотые, сломанные, расправленные. В последнее время она рисовала одну и ту же девушку — ту, что летела над городом. Город был серый и злой, а девушка — светлая.

Она так увлеклась рисованием, что не заметила, как опустела школа. Когда спохватилась, в коридорах уже стояла тишина, на улице начинало темнеть.

Анна быстро собралась, засунула папку под мышку и вышла на улицу. Она свернула за угол школы и направилась к парку — это была короткая дорога домой, через аллею старых тополей.

Навстречу ей шли знакомые силуэты:

— Ну что, швабра, доигралась? Опять к моему Артёму лезешь? — голос Лиды сочился ядом.

Анна вздрогнула. Лида, Женя и ещё три девчонки перегородили дорогу. Анна попятилась, но спина упёрлась в ствол

тополя.

— Я просто дала ему карандаш...

— Ой, какая заботливая. — Лида шагнула ближе. — Я же говорила: не подходи к нему. Значит, по-хорошему не понимаешь?

Дальше Анна помнила плохо. Её толкнули, она упала на асфальт, прямо на разбитые стёкла. Папка вылетела из рук и шлёпнулась в грязную лужу. Кто-то навалился сверху, придавил коленом грудь. Удары сыпались отовсюду — по спине, по ногам, по голове. Анна закрыла лицо руками и замерла, надеясь, что это скоро кончится.

5

Они ушли так же внезапно, как и появились. Анна полежала ещё немного, глядя в чёрное небо, потом заставила себя подняться.

Парк встретил её аллеей, усыпанной мокрыми листьями. В середине, напротив озера, на скамейке сидел старик. Он был в старом драповом пальто, в вязаной шапке, а на коленях у него лежала раскрытая папка с акварелями. Он рисовал парк — голые деревья, туман над водой, одинокий фонарь.

Анна замедлила шаг — ей всегда нравилось наблюдать за художниками. Она хотела украдкой взглянуть, что рисует этот старик, но остаться незамеченной не получилось. Он поднял голову, посмотрел на неё. Взгляд задержался на разбитой губе, на окровавленном, исцарапанном лице. Потом перевёл взгляд на её папку.

— Детка, — сказал он негромко. Голос был хриплый, но не злой. — Что с тобой?

Анна хотела пройти мимо, но ноги не слушались.

— Ничего, — прошептала она.

Он кивнул на папку:

— Рисуешь?

Она кивнула.

— Покажи.

Анна замерла. Никто никогда не просил её показать рисунки. Только насмехались: «Кому твои крылья нужны? Рисуешь всякую фигню». Но в голосе старика не было насмешки.

Она нерешительно раскрыла папку. Он посмотрел несколько листов — крылья, фантазийных существ, девушку в полёте.

— Сама училась? — спросил.

— Да.

— Хорошо. Не ходи в художку, они убьют твой почерк. Продолжай сама.

Она не знала, что ответить.

— Не слушай никого, — продолжал он. — Когда больно — рисуй. Даже если никто не верит. Рисуй. Это спасёт тебя.

Он закрыл свою папку, встал и пошёл прочь, не оборачиваясь. Анна осталась стоять, сжимая рисунки.

Она посмотрела на свою папку. Края промокли, но внутри — крылья. Целая стая крыльев, которые никто, кроме неё,

не видел.

«Когда больно — рисуй», — повторила она про себя.

И впервые за много лет Анна почувствовала не пустоту, а что-то твёрдое внутри. Не надежду. Нет. Что-то другое. Обещание.

Уже смеркалось. Она шла домой по тёмным улицам, прижимая папку к груди, и думала: «Они сломают мне что угодно. Но не моё желание рисовать».

6

Дома Анна помылась, осторожно промыла рану. В зеркале — рассечённый висок, запёкшаяся кровь, синяк под глазом. Она еще не знала, что шрам останется навсегда.

Она села за уроки. Мама пришла поздно, увидела расцарапанное лицо, спросила:

— Что случилось?

— Упала, — сказала Анна.

Мама не поверила, но не стала допытываться. Усталость брала своё, да и раньше эти разговоры ни к чему не приводили. Она вздохнула и ушла на кухню.

Анна закрылась в своей комнате, достала из папки уцелевшие рисунки и разложила их на столе.

Девушка с крыльями смотрела на неё с бумаги.

— Мы справимся, — прошептала Анна.

Она взяла чистый лист и карандаш. Нарисовала то, что чувствовала: себя, лежащую в луже, с папкой в руках. Но нарисовала так, будто над ней не стояли обидчики, а будто

она уже поднималась. Крылья за спиной — ещё слабые, но целые.

Анна подписала внизу: «Там, где ломаются крылья». И добавила: «Продолжай».

Она положила рисунок в папку, легла на кровать и уставилась в потолок. За окном выл ветер. Где-то вдалеке лаяла собака. А в груди у Анны зарождалось то самое чувство, которое однажды назовут силой.

Но сейчас, в пятнадцать лет, она знала одно: она не остановится.

Даже если весь мир скажет ей, что рисовать крылья — это глупость.